Парламентская газ. — 2001. — 19 янв. — с. 20.

Ирина БОГУШЕВСКАЯ: Я — ЛЕГКИЙ ЧЕЛОВЕК!

Она певица, композитор, поэтесса, победительница конкурса Актерской песни имени Андрея Миронова. Ее песни использовал в своем документальном фильме о России Кшиштоф Занусси. Тот, кто хоть раз слышал этот удивительный, завораживающий голос, никогда не забудет имени исполнительницы — Ирина Богушевская.

— ВСЕ НАЧАЛОСЬ в три года. Дома сохранилась смешная коленкоровая тетрадь. Как только я научилась писать, то корявым почерком (еще буквы рисовала не в ту сторону) стала записывать свои тексты. У меня был большой репертуар. Помню песню про пингвинов, которые замерзают на льдине...

В пятилетнем возрасте мама отвела меня в студию эстетического развития «Орленок» при университете. Уроки музыки и композиции вела заслуженный педагог России Ирина Николаевна Малахова. Собственно, тогда она и заронила настоящие музыкальные «зерна» в мою душу. Потом была замечательная хоровая студия «Веснянка»... В общем в то время, как Патрисия Каас пела в своих первых кабаре, я пела «Спокойной ночи, родной «Артек». По тем временам так было надо.

— Но учились-то вы почему-то на философском факультете МГУ?

— Это стечение обстоятельств. Мне хорошо давались сочинения, литература, история, обществоведение. Кроме того, я заканчивала школу при посольстве СССР в Будапеште — там папа работал — и не было возможности продолжить музыкальное образование. Так что в последние два школьных года я переориентировалась...

Впрочем, сцена меня ожидала в университете. Когда тебе 17 лет — у тебя много энергии, которая брызжет через край. Я была отличницей, мне нравилось учиться, но уже на втором курсе судьба меня привела в театр МГУ. Нас там обучали по полной программе: и сценическому движению, и речи, и этюдам, и вокалу... Кончались лекции, и я неслась в театр. Все получалось легко... Пока не родился ребенок. Тогда действительно стало трудно совмещать и университет, и сцену, и воспитание ребенка. Может быть, поэтому я не защитила диссертацию.

— И как же театр МГУ способствовал вашему становлению?

— Помню, мы сделали мюзикл «Синие ночи ЧК» (ЧК — это аббревиатура фамилий участников дуэта, который там играл: Чекрыжов и Кривенко) и жутко боялись: дело было еще в советские времена. Нам сказали, что в зале сидят какие-то люди из КГБ. Мы думали: «Все. Прощай, жизнь!» Но они очень смеялись, им понравилось. А потом грянула перестройка, и мы с большим успехом (как раз была волна интереса к советской символике и к этой большой непонятной стране) объехали с гастролями много стран. Было очень здорово. Из этого всего родилась группа «Несчастный случай», а я выросла в самостоятельную творческую единицу.

— Чем вы покорили жюри конкурса Актерской песни?

— Я пела, как и каждый участник, две песни: «Пароход» и «Тридцать девятый трамвай». Мне кажется, жюри зацепило то, что я сама написала эти песни. К тому же Сережа Чекрыжов сделал оригинальную аранжировку, и со мной выступила группа «Несчастный случай». Все это вместе, наверно, произвело впечатление. Кроме того, я трогательно смотрелась в платье моей тетки, которое было сшито на выпускной бал в пятьдесят каком-то году. Оно было, как у Гурченко в «Карнавальной ночи»: узенькая талия с огромной юбкой. Я была в беретике, в носочках, в босоножках — ну просто девочка из другой жизни! В жюри были Камбурова, Владимир Виноградов — знаменитый звукорежиссер, Караченцов. Все они, я знаю, голосовали за меня.

— У вас и потом был имидж «женщины из другой жизни». Причем жизни, полной трагедий.

— Но у меня действительно такая жизнь была. Имидж — это уже вторичное. Когда я была юна, меня страшно влекли всякие надрывные ситуации. Мне казалось, что серые будни — это не для меня, я должна сгорать в огне страсти. Пускай я умру в 25 лет, но зато оставлю бессмертные произведения!

Все это было наивно, но тем не менее такую философию воплощала в своей жизни. Не случайно поэтому мне попадались мужчины, которые так со мной и обращались. А я писала потом всякие душераздирающие песни... А потом пришел опыт, или появилась мудрость, а может, мне просто надоело быть несчастной и я решила: «Хватит!». И тотчас мне начали встречаться правильные люди, а я начала заниматься правильными вещами: например, занялась китайскими боевыми искусствами, а это уравновешивает, концентрирует, сосредотачивает. Раньше я думала: «Если буду счастлива, конец всякой творческой жизни: родник журчать перестанет». А выяснилось, что ничего — журчит.

— Да еще как! Ваш последний диск «Легкие люди» жизнерадостный, светлый, по-настоящему легкий.

— Я довольна этой работой. Хотя шла она нелегко. Мы с Дмитрием Чувелевым четыре раза переделывали песню «Ангел моей печали». Я раза три переписывала вокал к песне «Эти большие волны». Диск получился довольно цельный, там только песня «Дожди Эдинбурга» выдержана в стиле «ретро».

— А как родилось название диска?

— Не знаю. Когда к тебе приходят какие-то слова и музыка — этот процесс невозможно анализировать. Хотя... Легкие люди — это люди, с которыми легко, которые ко всему относятся с юмором, стоически переносят испытания, потому что понимают: жизнь — не только подарок, а еще и барьеры, через которые надо прыгать. Мне кажется, что я — легкий человек.

— Вас можно услышать в концертах, посвященных творчеству Вертинского. Как вы решились на создание этой программы?

— Я когда-то слушала Вертинского обрывками, ведь его пластинок долго не было. А в театре МГУ я узнала про него. Это были две-три песни на какой-то совершенно «запиленной» кассете, но ощущение было неземное: лиловые негры, маленькие креольчики — какая-то фантасмагория, но при этом очень театральная.

Мне даже в голову тогда не могло прийти, что я буду петь репертуар Вертинского. Но однажды Александр Скляр мне сказал, что мечтает спеть Вертинского, и я тотчас поняла, что тоже готова к этому. Для меня эта работа была открытием, я прикоснулась к току высокого напряжения. Когда учила песню «Злые духи», слушала ее весь день, запоминала слова, а вечером вдруг начала плакать... Наверное, это созвучие душ. В январе мы покажем эту программу в Риге.

— Что вы слушаете дома?

— Я люблю джаз, современный джангл, трип-хоп — музыку, которая не требует эмоциональных затрат. А в ванной я обожаю петь военные песни. Когда-нибудь сделаю программу по нашим военным песням: это удивительная музыка, ее писали большие мастера, делали это искренно. Песня «Землянка» до сих пор вызывает у меня мурашки.

— Почему вас так редко видно на экранах телевизоров и почти не слышно по радио?

— Потому что я занимаюсь музыкой, которая не является коммерческой. Для моей музыки нужны меценаты.

Сейчас я начала понимать, что в той системе, которая рухнула вместе с перестройкой, были несомненные плюсы: во всяком случае если ты сумела однажды объяснить худсовету, что занимаешься правильным делом, можно было рассчитывать на дотации от государства. Я сумела бы обломать любые худсоветы, но справиться с рынком не могу. Однако по-прежнему полна решимости доказать, что моя музыка нужна в России. Сейчас мы развозим по радиостанциям наш диск «Легкие люди». Мне кажется, на нем есть музыка, которая может быть интересна и на «Европе плюс», и на «Авторадио». Это современные песни с прекрасными аранжировками. Мне бы хотелось, чтобы их услышали.

На сцене Ирина Богушевская.

Беседовала
Оксана УШАКОВА.
Фото Павла КОРБУТА.

19.01.2001 г. Богушевская Ирина